

I. ДРУГАЯ ДИАСПОРА

ДРУГАЯ ДИАСПОРА? К характеристике армянских общин на постсоветском пространстве

Эдуард Мелконян

Становление суверенной Республики Армения с самого начала сопровождается массовой – более одного миллиона – эмиграцией армян. В 1988-1990гг. эмигрировало также примерно 400 тысяч армян из Азербайджана. Вследствие этих беспрецедентных по своим масштабам миграций резко сократилась численность армян в самой Армении, в Азербайджане вообще не стало армян, и, соответственно, столь же резко увеличилась численность армян в зарубежье.

Часть эмигрировавших из Армении и Азербайджана обосновалась в США, в различных странах Европы, что, помимо численного пополнения общин во Франции, Голландии, Болгарии и других странах, привело также к формированию целого ряда новых общин в таких «не традиционных» для армянской диаспоры странах, как, например, Чехия, Словакия, Германия, Австрия, Испания.

Наиболее разительные перемены произошли, однако, на постсоветском пространстве, поскольку подавляющее большинство эмигрировавших армян обосновалось в Российской Федерации, а также в Белоруссии и Украине¹. Согласно статистическим данным, в 1989г. в Белоруссии проживало 5 тыс. армян, ныне их число составляет более 30 тыс., в Украине – соответственно около 43 тыс. и около 140 тыс. В абсолютных цифрах наибольший рост численности армянского населения имел место в России. В 1989 году здесь проживало около 530 тыс., а сегодня – около 2,2 миллионов армян. Иными словами, в этих трех странах сегодня проживает примерно половина или, по крайней мере, более одной трети армян диаспоры.

Таким образом, за последние 15-17 лет произошло, с одной стороны,

---

¹ Именно в силу отсутствия эмиграции в Республику Грузия и в некоторые другие постсоветские страны процесс становления и развития местных армянских общин характеризуется определенными особенностями и потому требует специального рассмотрения.

резкое увеличение численности армян диаспоры, а с другой – существенное изменение географии их расселения. Но не только. В эти самые годы начался также процесс формирования нового, по сравнению с существующим до начала 1990-х годов, армянского диаспорального дискурса.

Существующий дискурс сформировался, как известно, вследствие катастрофических по своим последствиям изменений в жизнедеятельности армянского народа, происшедших в годы Первой мировой войны. Здесь следует особо отметить не только сам факт геноцида около полутора миллиона армян в Османской империи, но и их изгнание со своей родины – из Западной Армении и Киликии. В многовековой истории армян и до этих событий было немало примеров как геноцида, так и насильственных перемещений. Достаточно указать на убийство около 300 тыс. армян в 1894-1896гг. все в той же Османской империи, на насильственные переселения сотен тысяч армян в Иран в 3-4 вв. и в 1604-1605гг. Однако никогда раньше ни один из иноземных правителей не ставил перед собой цель свести на нет армянское население страны путем его физического уничтожения и полного изгнания. Но именно эту цель преследовала и осуществила Турция в 1915 и последующих годах.

Можно констатировать, что вследствие геноцида и депортации 1915г. впервые в истории армянского народа: а) на большей части этнической территории, родины армян – в Западной Армении и Киликии – прекратилась жизнедеятельность армян; б) большая часть армянского народа стала проживать вне населенной армянами оставшейся части родины – Восточной Армении; в) как выжившие после геноцида и депортации, так и их потомки лишились возможности возвращения на родину.

Несколько сот тысяч армянских беженцев, рассеявшись по разным странам, сформировали качественно новое в истории армянского народа образование. Эта новая реальность с середины 1920-х гг. была обозначена термином *սփյուռք* (*спюрк*), этимологически восходящий к греческой *диаспоре*, который, и это следует особо подчеркнуть, до этого никогда не использовался применительно к армянскому зарубежью.

Таковы лишь некоторые исходные характеристики армянского диаспорального дискурса, на фоне которого, точнее – параллельно с которым, с конца прошлого столетия начинает складываться, на мой взгляд, иной дискурс, отражающий иную реальность. Речь, как уже отмечалось, об армянских меньшинствах, сформировавшихся вследствие эмиграций из Армении и Азербайджана.

Миграция армян из Азербайджана в 1988-1990гг. являлась принудительной, люди спасались от физического преследования – погромов, убийств

и др., осуществляемых с негласного согласия властей. Перед угрозой уничтожения миграция местных армян протекала в виде бегства, а сами мигранты, зачастую бросая все свое имущество, были лишены также выбора маршрута миграции. Для большинства из них не было иной альтернативы, как спастись в Армении, на своей исторической родине. Сама Армения, однако, вследствие сначала землетрясения 1988г., а затем и кардинального изменения политической и военной ситуации, пребывала в состоянии коллапса. В этих условиях отсутствие у властей сколько-нибудь продуманной политики в отношении беженцев из Азербайджана еще более усугубило их тяжелое положение и стимулировало повторную эмиграцию большинства из них. Для этих людей Армения стала лишь своеобразным транзитным пунктом на пути из Азербайджана в Россию, США и другие страны – не более. Вопрос о возвращении армянских беженцев в места прежнего проживания вряд ли заслуживает внимания (даже если власти Азербайджана в какой-то момент вынуждены будут включить его в условия разрешения проблемы Нагорного Карабаха) в силу полного отсутствия каких-либо гарантий их безопасности.

Нетрудно заметить, что по своему характеру – насильственное изгнание – миграции 1988-1990гг. из Азербайджана схожи с депортациями 1915г. Вместе с тем, следует отметить и определенные различия, главным из которых является то, что если в Турции изгнание армян являлось одним из способов геноцида, то в Азербайджане – вольно или невольно – основной массе армян была предоставлена возможность эмиграции, точнее – бегства из страны. Однако результат в обоих случаях был тот же – практически полное отсутствие армянского населения.

Принципиально иного рода массовая миграция из Армении, которая в основном обусловлена социально-экономическими причинами и потому носит вынужденный характер. Для подобных миграций характерна определенная свобода в принятии решения об отъезде или выборе пункта назначения. В качестве основных факторов, стимулирующих эмиграцию преимущественно в Россию, Белоруссию и Украину, можно отметить знакомство с этими странами по прошлой советской эпохе, знание русского языка, возможность трудоустройства. Особо следует отметить такое существенное обстоятельство, как отсутствие визового режима с Россией. И наоборот – именно наличие миграционных барьеров существенно снижает численность миграции в страны Запада.

Еще одной важной характеристикой эмиграции из Армении является возможность беспрепятственного возвращения людей на родину – на время или на постоянное проживание. Это обстоятельство приобретает особую зна-

чимость, учитывая, с одной стороны, территориальную близость России к Армении, а с другой – разделенность семей части эмигрантов, их тесные отношения с близкими в Армении.

Одной из наиболее важных характеристик этой волны эмиграции, если не самой важной, является то, что люди добровольно покидают суверенное, независимое армянское государство – Республику Армения. Это делает ее уникальной во всей истории армянского зарубежья. Она же, вместе с тем, предопределяет совершенно иное умонастроение. Эмигрантам этой волны, в отличие от беженцев 1915г., уже не присуще чувство утраты родины, куда они никак и никогда не могут вернуться, они не уносят с собой воспоминания о кошмарах геноцида и депортации, о сотнях тысячах погибших, память о которых следует хранить и передавать своим потомкам.

Страну покидали люди, которые в меру своих сил способствовали обретению ею независимости, видя в этом залог развития и процветания. Однако реальность оказалась другой, и они уезжают в поисках реализации своих сил и способностей, достойной оплаты своего труда, в извечных поисках лучшей жизни, если не для себя, то хотя бы для своих детей. Это, по сути, акт социального протеста, не претендующий, однако, на политическую конфронтацию с властями Армении.

Подобная сугубо социально-экономическая мотивация эмигрантов из Армении обусловила и специфику форм их жизнедеятельности как этнических меньшинств.

Беженцы начала века постоянно и самыми разными методами – от создания военизированных групп так называемых мстителей и до лоббистской деятельности – вели борьбу за признание и осуждение мировым сообществом Геноцида армян в Турции как преступления против человечества, за признание их прав на возвращение к родным очагам. Это их требование, поддерживаемое все большим числом государств, придавало и придает особый смысл их существованию, является еще одним мощным стимулом для сохранения армянской идентичности.

Эмигрантам последней волны из Армении уготована другая судьба – они находятся в состоянии перманентного «оправдывания». Необходимо оправдывать перед иммиграционными властями той или иной страны свое желание обосноваться в ней, оправдываться перед армянами диаспоры за эмиграцию из родины, наконец – и быть может это самое трудное – необходимо самооправдание, оправдание перед самим собой. Именно этим, кстати, можно объяснить нежелание части эмигрантов признания каких-либо позитивных изменений в Армении, и как следствие – их все большее отчуждение от

родины. Все это, помимо прочего, еще более усиливает стрессогенное воздействие принимающей культуры на иммигрантов.

Для понимания характерологических особенностей жизнедеятельности эмигрантов последней волны особое значение имеет все тот же факт их происхождения. А именно: абсолютное большинство иммигрантов социально активного возраста – это люди, родившиеся и выросшие в Советском Союзе, в Советской Армении, и как следствие – с присущими им специфическим мировосприятием, системой ценностей и образом жизни. Это обстоятельство, помимо прочего, оказывает сильное воздействие на процессы самоорганизации и поддержания культурной идентичности иммигрантов. Притом, что само это воздействие варьируется в зависимости от характеристик принимающих стран.

Вообще, говоря об эмигрантах из Советского Союза (безотносительно к национальности), справедливо отмечают негативное влияние на них развенчанных иллюзий «западного рая». В странах Запада у эмигрантов-армян к этому добавляются также трудности, связанные с адаптацией к реалиям диаспоры, в первую очередь, разделенности ее институтов по церковно-политическому принципу, вплоть до лимитированности межличностного общения. В подобной ситуации иммигранты со временем неизбежно включаются в одну из существующих общинных структур, не отказываясь при этом (при наличии критического минимума их численности) от создания собственной микросреды.

Для армян – бывших граждан СССР, еще одним откровением стало то, что деятельность многочисленных и многообразных общинных институтов финансируется не государством, а самой общиной, и что сколько-нибудь активное участие в этой деятельности (от обучения детей в армянских школах и до проведения всякого рода торжеств) связано с финансовыми расходами. Тем не менее, в странах Запада, по мере своего экономического самоутверждения, эмигранты последней волны успешно встраиваются в структуры существующих общин, придавая им некое «восточно-армянское» своеобразие.

Совершенно иная реальность ожидала эмигрантов на постсоветском пространстве – армянских общин как таковых здесь просто не существовало. Свообразие национальной политики Советского Союза состояло и в том, что, всемерно содействуя развитию национальных республик, центральная власть отказывала в праве на самоорганизацию этническим меньшинствам, т.е., к примеру, тем же армянам, грузинам, украинцам вне советских республик Армении, Грузии, Украины. Более того, в условиях, когда ставилась задача превратить «многонациональный советский народ» в «новую истори-

ческую общность», а на самом деле – в нацию, меньшинствам было отказано даже в праве называться диаспорой.

Процесс самоорганизации местных армян наметился лишь в годы «перестройки», почти в то же время начался приток армян из Армении и Азербайджана. Однако за 70 лет советской власти традиции общинной организации, существующие в Российской империи, были утеряны, и эмигранты попросту не обладали, не могли обладать подобным опытом. Тем самым, было ожидаемо, что формирование армянских общин, скажем, в России будет протекать иначе, чем в странах Запада и Востока. Здесь не зародились, да и не могли зародиться такие пандиаспоральные организации, как, например, политические партии «Гнчакян», «Дашнакцутюн», «Рамкавар Азатакан», культурные союзы «Текеян» или «Амазгаин», некоторые молодежные и женские ассоциации и др. Но, с другой стороны, именно здесь и именно усилиями бывших советских граждан могла появиться организация, упорно претендующая на руководство всеми общинами в России. Между тем, лишь в немногих случаях можно говорить о реально существующих армянских общинах с соответствующим и необходимым набором структур и организаций, отвечающих интересам различных групп армянского населения.

Следует ли это объяснить «болезнью роста»? По-видимому, да, если учесть, что для основной части иммигрантов сама общинная деятельность все еще ассоциируется с «общественной работой» советских лет, т.е. это работа, за которую не платят. Тем более, что сама благотворительность, без которой невозможно существование какой-либо этнической общины, только-только становится понятной и осознанной необходимостью для многих из них.

Следует учитывать также, что становление армянских общин происходит на фоне поисков национальной идентичности, попыток выработки собственных вариантов национальной идеологии в самих принимающих обществах, главным образом в России. Крайним проявлением этих процессов являются известные настроения шовинизма и ксенофобии, которые никак не стимулируют, более того – нередко делают опасной саму самоорганизацию местных армян, манифестацию их этнокультурной инаковости. С другой стороны, в местах компактного проживания большого числа армян реальная угроза обуславливает, как это произошло, например, в Краснодарском крае, внутригрупповую сплоченность и солидарность, более полное осознание ими собственной идентичности.

Наконец, еще одна важная, на мой взгляд, характеристика последней волны эмиграции – ее отношение к Армении. Как известно, подавляющее большинство армянской диаспоры – это беженцы из Османской империи, из

